

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Глава 1</i>	5
<i>Глава 2</i>	11
<i>Глава 3</i>	22
<i>Глава 4</i>	37
<i>Глава 5</i>	50
<i>Глава 6</i>	60
<i>Глава 7</i>	71
<i>Глава 8</i>	88
<i>Глава 9</i>	98
<i>Глава 10</i>	105
<i>Глава 11</i>	120
<i>Глава 12</i>	137
<i>Глава 13</i>	150
<i>Глава 14</i>	160
<i>Глава 15</i>	167
<i>Глава 16</i>	178
<i>Глава 17</i>	186
<i>Глава 18</i>	202
<i>Глава 19</i>	213
<i>Глава 20</i>	224
<i>Глава 21</i>	236
<i>Глава 22</i>	252
<i>Глава 24</i>	260
<i>Глава 25</i>	264

<i>Глава 26</i>	279
<i>Глава 27</i>	289
<i>Глава 28</i>	299
<i>Глава 29</i>	312
<i>Глава 30</i>	324
<i>Глава 32</i>	334
<i>Глава 33</i>	344
<i>Глава 34</i>	365
<i>Эпилог</i>	378

В горах высоких, во степи
Средь льдов могучих, океана
Все преодолеют пластуны
И параллель с меридианом.
Им батько родный — суховой,
А мать — удача и отвага.
Пусть держит мачту грота-рей,
Слагается иная сага.

Глава 1

«Миколушка, ридный, ходы до мене. Шось дам тобі!» — голос матери прозвучал как серебряный колокольчик, разливаясь по прибрежным плавням. Малой Миколка бегал по мелководью, у самого берега, разгоняя стайки мальков, гревшихся в теплой воде. Край белой рубашонки намок и слегка шлепал по бедрам, заставляя мальчика бегать быстрее. Озорно и счастливо улыбаясь, он поглядывал на берег, но не мог никого разглядеть из-за ярких бликов солнца, игравших на поверхности беспокойной воды.

«Миколушка! — вновь позвала мать. — Побачь, шо у мене є!»

Вмиг стало интересно. Сумела заинтересовать.

Миколка остановился, бросив в устремившуюся в испуге стайку мальков палочку. Интерес победил, и он без сожаления оставил увлекательное занятие. Прищурился. Посмотрел на мать и, улыбаясь, побежал к ней, неловко перепрыгивая через лежащие на берегу реки Марты толстые ветки ивы.

Мать раскрыла объятия и шагнула навстречу сыночку, готовясь подхватить его и закружить вокруг себя, как это она делала всегда. Миколка в этот момент заливисто

смеялся, расставляя ручки, словно крылья, а мать, с любовью глядя на своего первенца, все быстрее кружилась, то приподымая Миколку, то слегка опуская, как будто на волнах.

«Швыдче, швыдче, мий сыночку!» — готовясь обнять Миколку, произнесла мать. Еще пару шагов, и Миколка вновь взлетит, подхваченный крепкими материнскими руками. Но вдруг правая его ножка цепляется за корягу, и в следующий момент Миколка кубарем летит на песок, ударяясь лицом о ветку ивы. С носа потекла юшка, оставляя красные капельки на песке.

«Драголюбчик мий! — ласковый голос матери раздался над головой Миколки. — Подымайся!»

Миколка отер нос рукавом рубахи.

— Подымайся! — голос матери звучал совсем поиному. Он стал каким-то грубым, но не чужим.

Крепкие руки схватили Миколку за плечо.

— Да проснись ты уже! — кто-то уверенно тряс Миколу за плечо.

Микола вздрогнул и открыл глаза. Над ним, склонившись, стоял Суздалев.

— Ну наконец-то! Ну ты, братец, и спать горазд! — Граф весело подмигнул казаку и снова повернулся к зеркалу, тщательно причесываясь. Билый, все еще пребывая частично во сне, нехотя сел на край кровати. Машинально коснулся рукавом бешмета носа. «Нет, крови нет. Приснилось». Микола разгладил лицо ладонями и мотнул головой. Кашлянул, прочищая горло и приходя в себя.

«Шайтан. Такой сон прервал. Мама снилась. Детство мое», — мысли незлобной чередой пронеслись в еще сонной голове.

— Ты как здесь? — с хрипотцой в голосе спросил он Суздалева.

— Что за вопрос, ваше благородие?! — усмехнулся граф. — Нет еще тех дверей, что не открылись бы перед моей скромной персоной!

— Тююю, — шутливо процедил сквозь зубы Билый. — Мы с тобой, братец, с определенного времени те, перед кем многие двери стали закрыты, и когда они вновь откроются, одному Богу известно!

— Да ладно тебе, казак, кручиниться. Эка беда! Откроются! Даже быстрее, чем ты думаешь! — Суздаlev присел рядом с другом. — Ты лучше спроси, зачем я здесь.

Микола взглянул на своего боевого товарища. Суздаlev загадочно улыбался. Через прищур его сероголубых глаз по-детски светился задор. Билому очень хорошо был знаком этот взгляд. Когда Иван Матвеевич что-то замышлял, в его взгляде всегда читалась некая интрига. Вот и сейчас, не говоря ни слова, можно было понять, что в голове у графа бродят мысли, которые он непременно желает воплотить в жизнь.

— Ты, часом, не влюбился? — спросил казак, делано испугавшись и тараща глаза.

— Очень смешно, — тут же обидчиво поджал тонкие губы граф. — Я, между прочим, до сих пор в трауре. — Иван поднял палец вверх, привлекая внимание, но тут же залюбовался новой запонкой на белоснежной манжете с чистым изумрудом. Дивный камень! Словно раньше и не замечал, как грани играют.

— Прости, друже. Не со зла. Подтруниваю над тобой.

— Понимаю, — кивнул Суздаlev. — Кто-то над погонами горюет, а кто-то по любви сохнет. Это хотел сказать?

Билый хмыкнул.

— В самую точку. Только те погоны и положение кровью добывались, а у тебя от природы натура влюбчивая. Уж прости, Иван Матвеевич. — Казак пригладил соломенные усы.

— Нашел из-за чего расстраиваться, — граф беспечно махнул рукой и снова, не удержавшись, заулыбался, как кот, навернувший крынку сливок.

— Уж очень я хорошо тебя знаю, Ванюша, — усмехнулся Микола. — Посему не тяни, а выкладывай как есть.

Граф поднялся и, заложив руки за спину, прошелся по комнате. Остановился у небольшого окна и, подняв указательный палец правой руки вверх, как заправский профессор, произнес:

— *Doctrina est lux et ignorantia tenebrae!*¹

Билый покачал головой и нетерпеливо парировал:

— *Brevitas est anima ingenii!*² Посему, ваше сиятельство, оставьте свои глубокие познания курса классической филологии для лучшей половины человечества. Мы же — люди военные и привыкшие к четким командам. Выкладывай.

— Вот что вы, казаки, за народ такой! — с легким разочарованием в голосе воскликнул Суздалев. — Нет в вас полета мысли!

— Отчего же, Ваня! — ответил Микола. — Все у нас, как и у других народов, имеется. Мы не хуже и не лучше, но есть своя изюминка.

Билый довольно разгладил усы и для солидности кашлянул в кулак:

— Ладно, друже, за народы после побалакаем. Выкладывай, что у тебя там за учение — свет.

Граф, довольный тем, что ему снова дали слово, завел руки за спину и, медленно ходя по комнате, продолжил начатый было разговор. Микола посмотрел на своего друга и подумал, что, не будь Суздалев военным, профессором было бы ему в аккурат. «Горных дел мастер!»

— Ну-с, любезный Николай Иванович, извольте ответить, — граф внимательно посмотрел на казака, слегка склонив голову, как будто глядя через очки. — Что вы знаете об Арктике? Или, скажем, о Русском Севере?

¹ Ученье свет, неученье тьма (*лат.*).

² Краткость — сестра таланта (*лат.*).

Суздалев, произнося это, перенес руки вперед и скрестил их в замок.

«Ну истинный учитель!» — отметил с улыбкой про себя Микола и пожал плечами.

— Понятно-с, — произнес граф и добавил: — Иного ответа я и не ожидал.

Казак покачал головой и негромко вздохнул.

— Да ты не журишь, односум, — на казачий лад сказал Иван, явно решив подыграть. — Я и сам об этой Арктике знаю через пень-колоду. А попросту — ничего. Кроме того, что там холодно триста шестьдесят пять дней в году.

— А нам с тобой, Ванюша, не впервой такие загадки разгадывать. Турецкая кампания тому пример. Часто бывало как в той сказке: «Поди туда, не знаю куда. Принеси то, не знаю что». Что смущает? Не томи уже, я же не барышня.

— Здесь ты прав, Микола. Тем и интереснее, когда не знаешь, что тебя ожидает. Но такой интерес хорош на войне. Кровь будоражит и все такое. Но мы с тобой в экспедицию собрались, к тому же экспедицию спасательную. А это, брат, может и посложнее боевого задания выйти. Одно дело, когда на войне героически погибнуть есть возможность, славой себя покрыть, медаль заработать, да и пенсию для родных. Но вот гражданский поход подразумевает совершенное иное. И погибнуть ни за понюшку табака, не зная того, куда отправляешься, перспектива не радостная.

— Вот те раз, — Билый поднялся на ноги и направился к умывальнику, стоявшему в углу комнаты у двери. — Сам взбаламутил, а теперь меня отговаривать пришел?

— Не дожدهшься! — голос Суздалева звучал по-мальчишески задорно. — Ни за какие коврижки не отступлюсь и тебе не дам! Я уже чувствую! Вернемся героями! Добудем славы! Отмоем имена.

— Герой, — хмыкнул Билый, теребя умывальник и не жалея воды. Хотя мысль вернуть честь защемила сердце. Но казак умело скрыл эмоции.

— По жизни! — поддакнул Суздалев, грозя толку тонким пальчиком, где скрывались неведомые враги.

— Так я и не сопротивляюсь, — подумав, ответил казак, полоская себя тепловатой водой из умывальника. — Только никак не пойму, к чему ты клонишь?

— Так просто же! — граф остановился и в упор посмотрел на друга. — Лекция! — радостно, словно речь шла о каком-то празднике, выпалил Суздалев.

Микола вопросительно уставился на друга. Капли воды стекали по его черноморским усам и падали на пол.

— Сейчас все объясню, — загадочным голосом ответил граф.

— Да уж постарайся. Рушника не бачил?

— Чего? — Суздалев непонимающе нахмурился.

— О Господи! Ты что, в лесу рос? Полотенца не видел? Тут на гвоздике висело.

— Да пожалуйста, — граф с подоконника поднял тряпицу. — Я им мух гонял. Которые тебе, между прочим, спать мешали.

— Это ты мне спать мешал, — буркнул Билый, принимая полотенце. Встряхнул, подозрительно осматривая. — Мне дом снился. Мама. Что мне мухи?

Микола вытер лицо полотенцем, сменил бешмет и натянул начищенные до блеска новенькие ичиги. Вновь посмотрел на односума. В глазах читался немой вопрос: «Ну?»

Граф, видя, что теперь друг слушает его со всем вниманием, выпалил:

— Лекция! Сегодня, в здании, неподалеку. Читает ученый, кстати, который также едет в экспедицию. И, как ты понимаешь, лекция как раз об Арктике!

— Ох ты Боже мой, — казак перекрестился, — новость-то какая.

— Смеешься?

— Вовсе нет.

Микола усмехнулся, встал, притопнув ногами, чтобы ичиги лучше сели на ногах, и, подойдя к графу, негромко сказал:

— И это все?

Суздаlev слегка опешил.

— Вот те раз! Я лечу к нему со всех ног, чтобы обрадовать, а он мне заявляет... «и это все?». Ну, господин казак, с вами не соскучишься!

— Ладно, Ваня, шуткую я, — Билый похлопал дружески графа по плечу — Добрую весть принес. Прав ты, ученье есть свет. К тому же знать своего врага — значит наполовину его победить. Арктика хоть и не территория врага, но земля нам с тобой чуждая и незнакомая. Посему, хотя бы заочно, познакомиться с ней необходимо.

— Именно с теми же мыслями и пришел я к тебе, — выдохнул Суздаlev и взглянул на часы. — Оо, ваше благородие, поторопиться нужно. Начало через две четверти часа!

— С Богом! — хлопая по спине боевого товарища, сказал казак. И через минуту они оба спускались по гостиничной лестнице, ведущей к выходу.

Глава 2

Профессор Ледовский был человеком, истово увлеченным географией. Его не интересовало ничего, что не вмещалось в понятие землеописания. Своему любимому делу он был предан искренне. По большому счету он, мужчина, что называется, в расцвете сил, а было ему от роду тридцать восемь лет, был попросту женат на географии. Женский пол интересовал его лишь в образе благодарных слушательниц факультета, где Сергей Матвеевич имел удовольствие и честь преподавать. Помимо преподавания в институте, он охотно брал частные уроки. Это давало возможность, что называется, не

заглядывая в карман, отправляться в авантюрные путешествия и предаваться географическим исследованиям. Юные барышни из богатых семей с увлечением слушали рассказы профессора. Непроходимые джунгли Амазонки, пустыни Африки, бескрайние степи Средней и Желтой Азии будоражили воображение девиц.

Но особое место в повествованиях профессора Ледовского занимала Арктика. Земля в то время мало изученная, поросшая в пересказах немногочисленных исследователей легендами и сказками. Белые медведи, моржи, бакланы, поморы — племена, населявшие эти холодные территории, все они представлялись в умах слушательниц чем-то сверхъестественным, нереальным, а посему сказочным, былинным. Профессор Ледовский, видя неподдельный интерес к сей теме, старался донести до слуха своих учениц то, что знал сам, украшая свои рассказы собственными выдумками. Ему, человеку убежденно холостому, доставляло истинное удовольствие овладевать умом своих слушательниц — барышень столичных, избалованных обществом, но мало что понимающих в науке землеописания. Сами же барышни интересовали его не больше, чем столичный петербургский парк, где по выходным прогуливались представители как довольно известных фамилий, так и простые обыватели.

Время от времени, вернувшись из очередной экспедиции и подведя итоги поездке, профессор Ледовский давал несколько публичных лекций, на основе совершенно бесплатной, где с упоением рассказывал о жизни аборигенов Австралии, пигмеев северо-восточной Африки или эскимосов Аляски, проданной в свое время императрицей Екатериной Второй. О всем том, что поданным империи Российской было известно мало. Слушателей на такие лекции набиралось немного, но это не смущало увлеченно настроенного профессора, и он с энтузиазмом, граничащим порой с неким горем от ума, поведствовал о дальних странах.

В этот раз Сергей Матвеевич был полон решимости говорить об Арктике. Эта территория хотя и входила в состав Российской империи, но была изучена возмутительно мало. У профессора Ледовского же, несмотря на то что сам он путешествовал в Арктику лишь дважды, со временем накопился довольно интересный материал о географических особенностях, флоре и фауне Русского Севера. Систематизировав и обработав результаты исследований, неутомимый профессор спешил поделиться ими, доказывая тем самым свою неповторимость и индивидуальность.

Заблаговременно позаботившись о предстоящей лекции, профессор, опять же за свой счет, дал объявление в газету, где было указано время и место проведения сего мероприятия.

Именно это объявление и попало на глаза графу Суздалеву, любившему за чашкой утреннего кофе полистать свежие столичные газеты. Не раздумывая, он направился к своему односуму, Миколу Билому. Граф имел в своем характере черту, благодаря которой он мог убеждать окружающих его людей в необходимости участия в той или иной аванюре. Эта способность не раз помогала ему в ситуациях, где принятие решения не требовало отлагательств. Так случилось и с Миколой, который собирался до окончания выделенного им обоим отпуска побывать в родной станице Мартанской. Суздалев смог заразить казака своим неподдельным интересом к готовящейся спасательной экспедиции и убедить его, отложив поездку на родину в станицу, отправиться спасать тех, кто по воле судьбы оказался во власти природы Русского Севера.

«Людей спасем. Славу себе добудем, потомкам до седьмого колена хватит! Да и вообще, героями вернемся из экспедиции! Может, в чинах восстановят!» — в глазах разжалованного капитана горел тот самый огонек, с которым он бесстрашно ходил в отчаянные разведывательные рейды в русско-турецкую кампанию.

Легкий на подъем кубанский казак Билый, зная отчаянность своего боевого товарища, чуть поколебавшись, скорее для порядка, охотно поддался на уговоры и, для виду нехотя, отложил поездку в родовую станицу. Тяга к неизведанному, новым приключениям и необычным местам манила к себе и притягивала. Тем более Микола был уверен, что Ванятка же пропадет без него! Или вляпается по самое не хочу! Да так, что в любом случае придется вытаскивать графа из передрыги. Куда как проще отправиться сразу с ним на Север, чем потом спасать и его, и спасательную экспедицию, и тех, кого надо было спасти изначально. Забота о ближнем ко многому обязывала. А мысль восстановить честное имя, вернуть звание, снова гордым воином въехать в родную станицу — заставляла затаить дыхание. А ну как не враки всё, что наплел Ванятка? И если за пару-тройку месяцев удастся отмыть имя, то можно хоть въехать на Дворцовую площадь при полном параде.

— Ну-с, уважаемые дамы и господа, — профессор Ледовский сложил кисти обеих рук в замок и внимательно окинул небольшой зал взглядом. — Теперь перенесемся с вами мысленно на несколько сотен миль севернее нашей столицы. К берегам Белого моря.

Десятка два слушателей, среди которых преобладали в основном женщины возраста умеренно молодого, устремили взгляд на говорившего. Предыдущий рассказ о городе Архангельске, с которого профессор начал свою лекцию, не вызвал особого интереса у присутствующих. Но «Белое море» для тех, кто знал лишь моря Черное и Балтийское, звучало как нечто неестественное, неземное. Что должно быть в море, чтобы оно выглядело белым? Или это лишь игра слов досточтимого профессора?

Сергей Матвеевич выждал паузу, наслаждаясь недоуменными взглядами устремленных на него глаз. Он был похож на триумфатора, искусно выигравше-

го в битве решающей, стремительной атакой. Испытав эмоциональное наслаждение, профессор с легкой улыбкой на губах продолжил:

— Итак, дамы и господа, мы с вами отправ... — Ледовский осекся. Дверь после довольно громкого стука отворилась, и в дверном проеме показались два человека.

— Простите, ради бога, — произнес один из них, высокий блондин с чертами лица дворянина. — Разрешите?!

Ледовский смешно склонил голову набок и удивленно спросил:

— Вы, видимо, ошиблись, господа?!

— Если здесь проходит лекция на тему Арктики и того, что с ней связано, то нет. Не ошиблись! — более уверенно, почти по-военному, ответил тот же мужчина.

— Извольте, — Сергей Матвеевич указал рукой, приглашая Суздалева и Билого внутрь залы. — Вы не ошиблись. Мы как раз отправляемся к берегам Белого моря и, если всем будет интересно, далее к Северному полюсу.

— Куда?! — невольно спросил Билый. — К Белому морю?! — Его голос прозвучал с некоторым недоверием.

— Вот что, господа, — твердо заключил профессор. — Если пришли, то имейте терпение услышать все по порядку, а вопросы оставьте на потом. Кстати, как вас величать?!

— Граф Суздалев! — отчеканил Иван, вставая и по привычке щелкнув каблуками ботинок.

Микола, заметив это, негромко усмехнулся, но, поймав на себе вопросительный взгляд профессора, последовал за своим другом:

— Николай Иванович Билый!

— Интересно, что привело вас, господа, в сей зал? Это не офицерское собрание, — продолжил профессор. Его действительно интересовало, по какой причине

оказались здесь граф и, относительно фамилии, малоросс или казак. Но их обоих выдавала военная выправка. И это не ускользнуло от взгляда лектора, как путешественника бывалого, видевшего на своем веку не одного офицера.

— Всего лишь интерес, господин профессор! — на сей раз ответил Билый.

— Именно интерес к новому и малоизученному! — поддержал друга граф.

— Что ж. Весьма похвально. Приятно удивлен, господа офицеры. — Сергей Матвеевич улыбнулся и указал вошедшим на свободные места в зале. — Милости прошу. Надеюсь, вам будет интересна эта тема. Ведь Арктика, что бы о ней ни писали, изучена до сожаления мало, и ваш покорный слуга — непосредственный участник исследований этих загадочных территорий.

Все присутствующие затаили дыхание, проникаясь значимостью момента. Перед ними стоял настоящий полярик, путешественник, географ и герой.

Друзья прошли к свободным местам, на которые указал профессор, и, усевшись поудобнее, насколько это позволяли деревянные скамьи, со вниманием устремили взгляд на лектора.

Профессор говорил о землях вечного холода, на которых не бывает ни весны, ни лета; где обитают невиданные доселе огромные рыбы, называемые китами; где водятся стаи жирных тюленей и моржей, на которых охотятся громадные медведи, также называемые белыми; где живут люди, которые носят звериные шкуры, намазывая лицо жиром моржей, дабы не обморозить лицо и руки, и употребляющие в пищу мелко наструганную замороженную рыбу и сырое мясо тюленей.

Все это было слышать двум бывалым воякам в диковину. Не верилось, что все, о чем говорил профессор, существовало в реальности. Но уверенный голос лектора и несколько показанных им экземпляров в виде клыков моржа и шкуры белого медведя не оставляли сомнений

в том, что земля вечного холода, именуемая Арктикой, выглядит именно так, как описано в представленном материале.

— Надеюсь, что я не слишком вас утомил, дамы и господа, — заканчивая свое повествование, сказал профессор, — и лекция была для вас интересной и познавательной.

— Разрешите несколько вопросов, профессор Ледовский?! — Суздалев поднял руку.

— С удовольствием отвечу, ваше сиятельство! — произнес в ответ лектор. — Я ждал, что вы мне их зададите. И мне очень интересно, что вы хотите узнать.

— Полноте, господин профессор, — слегка смутившись, сказал граф. — Оставим условности. Мы здесь ради ваших знаний. Ваш опыт мог бы нам пригодиться.

— Хорошо, — согласился Сергей Матвеевич, явно польщенный вниманием к своей персоне. — Давайте без условностей. Так о чем же вы хотели спросить?

— Будьте любезны, — начал Суздалев. — Мне и моему товарищу интересно знать, есть ли возможность увидеть эту самую Арктику, пощупать, так сказать, руками? Насколько она материальна? Почему все стремятся к этой неизвестной земле? И многие не доходят. Терпят крушения. Вот, например, если газеты не врут, не так давно в тех краях произошла трагедия с одной из русских экспедиций!

— А вы неплохо осведомлены, граф, — голос профессора звучал строго и отчетливо. — Поверьте мне, Арктика не миф, и она материальна. Все стремятся освоить Северный полюс. Идет настоящая гонка. Поэтому жертвы неизбежны.

Суздалев хитро улыбнулся. Не так он был прост и, прежде чем явиться на лекцию, основательно подготовился. Но куда как проще иногда прикинуться простачком, этаким офицером из далекого оренбургского гарнизона.

— А как вы относитесь к идее шведов?